

«Чистое охранительство кончается революцией».

I. «ОТМИРАНИЕ РЕЧИ» И НОВАЯ ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ПОСЛАНИЯ

Пока я ехал к вам, вспомнил образ десятилетней давности: католический приход, большой храм в центре Брюсселя. Кто в нем служит? Восемидесятилетний бельгиец, который уже готовится к переходу в мир иной. Пятидесятилетний поляк, приехавший в конце 80-х. И два выходца из Юго-Восточной Азии: вьетнамцы или филиппинцы. На их месте могли бы быть и африканцы, к примеру. И это не единичный пример одного города. Когда беседуешь о будущем с французскими бенедиктинцами, они только вздыхают. От местного духовенства франкофонной Европы остались только старики, а из молодежи – отдельные энтузиасты и романтики. Они уже совершенно нетипичны для Франции, Бельгии, франкоговорящей части Швейцарии. Местное духовенство еще живо в Италии, Испании и в Латинской Америке. Но и там чувствуется кризис.

Отец Всеволод Чаплин

В чем корень этого кризиса?

Помимо прочего, в феномене, который я называю «отмиранием речи». Я написал рассказ-сценарий, описав постсоциум 2117 года, то есть состояние человечества через 100 лет. После нескольких ядерных ударов и извержения Йеллоустонского вулкана на Земле осталось несколько сот миллионов человек, но правящий

слой – только 8 миллионов, отчасти живущих на космических станциях, отчасти населяющих оазисы, оставшиеся от Европы после череды катастроф. Этот узкий правящий слой внутри себя поддерживает относительно высокий культурный и технологический уровень. А у остальных людей отмирает речь – им просто не разрешено пользоваться речью.

Конечно, это научно-фантастический сюжет, но такова тенденция – уже сегодня большой текст мало кто способен полностью прочесть. Я замечал, как люди немедленно перелистывали виртуальные страницы, видя, что текст не помещается в окно браузера. Культура твитов и коротких видеороликов говорит о том, что очень часто достучаться до людей можно только через очень краткие послания.

Для христианства это вызов, конечно. Христианство является не только религией Слова-Бога, но еще и слова, в приземленном понимании. Особенно православное христианство – это вера больших богословских, право- и нравоустанавливающих текстов. Христианство либо исчезнет как общественно значимое явление – либо вспомнит о языке простых и кратких слов.

Что могло бы подтолкнуть церковь, включая и церковных иерархов, к этой мысли?

Ну, посмотрите, что сегодня происходит. Радикальный ислам бросает очень серьезный вызов христианству. Он прост, ясен и не путается во взаимоисключающих утверждениях, касающихся истины и лжи. Христианству следует понять, что сегодня от него ждут того же – твердого, простого и однозначного послания, в том числе политического. Иначе его ждет судьба некоторых западных христианских и постхристианских общин, то есть замедленное умирание.

Каковы шансы Православия на выживание?

Евангелие афористично. Любое из четырех Евангелий можно прочесть за 45 минут, а то и меньше – если читать «по-современному» быстро. В Православии истины веры часто

передавали краткие изречения юродивых, наставления старцев, очень короткие проповеди. Люди воспринимают пение, храмовую архитектуру, иконопись. И через все это лучше, чем через текст, получают христианское воспитание. Поэтому Православие способно через синтез искусств, через жизненные примеры и личную беседу выразить всё, что когда-то было выражено в текстах длинных и сложных.

На фоне общей угрозы не пришло ли время стереть границы между христианскими исповеданиями, например, между Православием и католицизмом?

Нет, мир развивается совершенно иначе. Лет 20 или 30 назад было принято считать, что исчезают государственные границы и национальные различия, а в результате все смешается. Но такой взгляд оказался ошибочным – время это доказало.

Не прижились идеи ЮНЕСКО, заложенные в Декларацию принципов толерантности – о том, что любая монополия на истину должна быть исключена. Люди стремятся отделить правду от лжи, черное от белого. Без определенности в центральных вопросах людям сложно жить. Поэтому появляются достаточно жесткие и последовательные формы религиозности.

Сегодня уходит в прошлое попытка разделить пространство между религиозными общинами и договориться о «ненападении», которую многие именуют экуменизмом. Время политкорректной вежливости уходит, время раздела территорий уходит, время дипломатических договоренностей уходит. Раздел сфер влияния и построение добрых отношений на его основе – все это летит в тартарары.

В информационном мире больше нет границ. А это означает, что самой востребованной и самой действенной будет такая религиозная проповедь, которая говорит человеку очень простые вещи. Сообщает ему единственную для всех народов истину, которой он может спастись или защитить себя прямо здесь и прямо сейчас.

II. О КРИЗИСЕ ТРУДА И ОБЩЕСТВЕННОМ ПЕРЕЛОМЕ

Информационный мир воздействует не только на церковь, но и на человечество в целом. Какова логика изменения общества в перспективе ближайших 10-20 лет?

Как священник я столкнулся с тем, что все больше женщин жалуются на одну и ту же проблему. Муж или сын, потеряв статусную работу и поняв, как сложно искать новую, легли на диван и ничего больше не делают. А матери, жены зарабатывают деньги и одновременно несут на себе все традиционно понимаемые женские обязанности. Моя первая реакция: кризис, санкции. Но нет, это не внутренняя проблема России.

В мире меняется характер труда. В городах по всему миру освободится множество людей, которые не смогут найти работу, которую желали бы себе по статусу. Может быть, через идею «минимального фиксированного дохода» [*обеспечение людей необходимыми продуктами и благами вне зависимости от их трудового вклада*] мы движемся к какому-то подобию коммунизма, который в Советском Союзе так и не наступил.

Может появиться общество, в котором на первое место выйдут не индексы ВВП, обеспеченные роботами, а индексы счастья. Не формально-экономические показатели, а способность общества сделать упор на внутреннее состояние человека.

Общественный перелом, о котором вы говорите, уже заметен, и если да, то где?

Один из первых признаков перелома – крах традиционного либерализма. Стремительное ослабление не только либеральных, но и вообще всех традиционных партий тоже говорит о многом. Появляются новые политические конфигурации. Во Франции и республиканцы, и социалисты практически обрушились. Думаю, то же самое ждет в недалеком будущем Германию. В России традиционная партия вообще только одна – КПРФ, наследующая КПСС.

К новому формату общества нужно быть готовым и государству, и Церкви, и общественным силам. А главное – всем людям, которым

есть что сказать окружающему миру. Мы должны предлагать новые пути развития страны. Видеть новые рецепты исцеления – как существующих проблем, так и тех, что могут возникнуть.

Что могло бы помочь России подготовиться к грядущим изменениям?

России нужен серьезный разговор о будущем нашей государственности и ее идейных основах. Он должен вестись без всяких предварительных условий, вроде «будем действовать только в рамках республики», или «только в рамках рыночной экономики», или «только в условиях правления конкретных лиц». А если нет, а если всё пойдет иначе, то что, сложим руки? Вот это и есть готовность действовать, для которой необходимы адекватные институты.

Нам нужен, если хотите, улучшенный аналог Учредительного собрания. Или Земских соборов. Или съездов народных депутатов рубежа восьмидесятых-девяностых годов XX века. Да, съезды, как и «учредилка», были не самыми удачными опытами поиска общенациональной идеологии. Известно, чем они кончились и как сложны оказались попытки договориться. Но нам сегодня нужен структурированный и ответственный диалог о будущем страны, права, государственности, экономики, культурной сферы.

Наш страх перед снятием ложных табу на ряд тем не приведет к позитивному развитию событий. Чистое охранительство всегда кончается революцией. Сметенные со стола, снятые с рассмотрения, увиденные в умолчание вопросы имеют свойство раскачивать ситуацию в самые неожиданные и неподходящие для этого моменты.

Вы могли бы очертить ценностный контур будущего общественного устройства?

России нужна государственная идеология. Государственная – не значит общеобязательная. Это значит только, что ряд идей и ценностей, принятых на государственном уровне, могут быть включены в действующее право. И нужно коллективно выработать

этот набор идей и ценностей. Мы считаем, что этот выбор не может не отразиться в идейных основах Конституции России.

Ценности, прописанные в 1993 году – не единственные и не верховенствующие. Кроме прав и свобод человека, есть ценности отечества, народа, веры. [Всемирный русский народный Собор](#) [создан в мае 1993 по инициативе Русской православной церкви, объединяет соотечественников по всему миру, с 2005 имеет статус специального консультативного органа при ООН] сформулировал пятерку основополагающих ценностей: вера, справедливость, солидарность, достоинство, державность. Общая позиция состоит в том, что иногда, ради соборного тела народа и ради его идеалов, нужно ограничивать проявления прав и свобод человека, включая даже право на жизнь.

Идеализм авторов ценностей, декларированных в начале девяностых годов, уже через несколько лет споткнулся о ситуацию на Северном Кавказе. В случае с террором нужно было делать выбор между целостностью государства – с одной стороны, и жизнью террористов с их политическими идеями – с другой. Выбор был сделан в пользу существования государства.

III. О КОНСТИТУЦИОННОМ УСТРОЙСТВЕ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Как идеологические принципы, о которых вы говорите, соотносятся с национальной идеологией?

В обществе есть разные силы и разные идеологи. Как сказал апостол Павел, пусть «выявятся искуснейшие». А не исключительно те, на кого указали деятели из управления

внутренней политики [администрации Президента].

В чем, на ваш взгляд, недостатки действующей Конституции?

Положенные в ее основание ценности были выработаны группой прозападных экспертов и продавлены через мощную политическую кампанию.

Я не считаю, что большинство нашего народа полагает нынешний вариант капитализма близким и родственным себе общественным строем. Я не считаю, что у нас высок уровень доверия к той экономической политике, которая сегодня ведется. Я не считаю, что тот парламентаризм, который у нас сегодня практикуется, близок идеалам народного самоуправления.

В нашем обществе очень заметно доверие к фигуре президента, и это естественно для квазимонархического народного сознания. Но надо понимать, что никакая политическая фигура не имеет вечного кредита доверия.

У нас сегодня успешный лидер. Не столько благодаря своему интеллекту и выдающимся способностям, сколько благодаря умению прислушиваться к настроениям народа. Опыт работы в кризисных ситуациях, восприятие народных интуиций очень многое изменили в политике последних десятилетий. Я действительно считаю, что власть должна не просто формально советоваться с народом, а слушать его глубинные интуиции, которые у нас связаны с христианским миропониманием, а также с миропониманием мусульманским, если говорить о некоторых этносах.

Тем не менее, пытаться строить стабильное, способное к историческим свершениям государство на личных симпатиях людей к одному человеку – значит потенциально разрушать государство.

А возможна ли вообще в России единая государственная идеология, если деление на «красных» и «белых» в обществе сохраняется?

Мало констатировать продолжение затяжного конфликта,

заложенного исторически, необходимо преодолевать его. Ведь смогла же наша страна выиграть войну, объединив все свои силы для этого. Значит, это возможно. В поиске решений нужно опираться на такого рода прецеденты.

Мы должны стремиться к тому, чтобы общество строилось на основе единства интересов, а не на основе управляемого конфликта. В нашем правом и в нашем левом движении есть принципы, которые можно совместить. Они способны примирить, по крайней мере, основные, разумные части этих общественных сил.

Собственно, этих сил две – монархический консерватизм и левая «коммунистическая» составляющая с ее стремлением к справедливости и равенству. Что ж, весь этот куст общественных идеалов – вполне наш.

И все же, каким образом могут быть совместимы правые и левые идеи?

Программу действий необходимо озвучивать открыто и публично, я уже это делал. Воспроизведу основные мысли. Во-первых, ввести пост монарха – прежде всего, как верховного арбитра. Он может быть верховным главнокомандующим, но без права глубокого вмешательства в текущую жизнь армии. В судебной системе у него должно быть право помилования. В экстренных случаях он должен иметь возможность отстранить от власти правительство и верховный совет.

Верховным советом я называю систему представительства интересов людей, то есть общенациональный парламент. Принципиально то, что верховный совет должен формироваться местными советами и представлять интересы регионов, а не политических партий и московской тусовки.

Скажу еще более определенно. Партии не должны формировать парламент в центре, они должны идти в регионы и уже там, через представительство в местных советах, влиять на формирование верховного совета. А московская элита вообще должна быть отстранена от власти.

У вас получается причудливое сочетание лево-низовой и правой основ.

Да, верно. Большинство экономических полномочий должно быть передано на уровень региона без всякого права центра вмешиваться. Ситуация коренным образом изменится – центр не должен контролировать 90% экономических процессов, происходящих в регионах, как делает это сейчас.

Наше экономическое законодательство, Центральный банк, Минэкономразвития копируют брюссельскую модель с ее мелочной регламентацией экономической жизни. Это все неуместно в условиях меняющегося характера экономики и в условиях свободной национальной жизни.

Государству из экономического нормотворчества надо уходить, а вот политическая власть должна быть централизованной, мощной и основанной на сильной фигуре властителя – монарха с прочной системой обратной связи с народом. И действовать эта система обратной связи должна, минуя структуры, связанные с попытками политических элит властвовать над народом.

Из предложенной схемы выпали носители либеральных идей, с ними как быть?

У нас есть фермент прозападный, либеральный. И пусть он будет, я сам в юности был либералом. Но когда они захватили власть и начали воспитывать нас окриками, я перешел из либерального стана в стан ультраконсерваторов. А когда либералов окончательно отовсюду выгонят, я буду их защищать и, может быть, опять вернусь в их стан.

Наши либералы – это маленькая группа, которая может действовать либо интригами, либо через встроенность во властную вертикаль. Но если говорить о формировании будущей идеологии, нужно ориентироваться на консерватизм и левый спектр. С некоторым участием либеральных сил. Но не на их условиях.

Какова политическая роль Церкви, например, в организации местного самоуправления?

Я думаю, что Церковь может помочь в организации народного тела. Сегодня появляются общественные ассоциации, связанные с бизнесом, экономическими интересами, профсоюзами, которые могут придать импульс местным общинам. Они еще слабы, и духовенству стоит помочь им самоорганизоваться. А дальше отойти в сторону.

Как обустроить Россию, лучше нас знают простые люди, живущие на земле. Роль персонифицированной центральной власти – поддерживать концентрацию полномочий на местах.

Вот это может примирить наш консервативный идеал с коммунистическим стремлением к равенству. У нас не любят мироедов – деятелей, которые через экономическое регулирование с использованием богатства пытаются властвовать над свободными людьми.

Но сегодня, к сожалению, теряется время для того, чтобы такую систему наладить.

IV. О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ НАРОДА, ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

В связи с вашими внешнеполитическими взглядами на роль России и русского мира вас называли милитаристом. Насколько это справедливо?

Я ультрафундаменталист. А русский народ, согласно одному из документов Всемирного русского народного собора, является разделенным. Этот факт нам нужно учитывать в формулировании международной политики. Россия должна обозначать свою зону ответственности. В первую очередь, это области, населенные русскоязычными православными людьми, желающими видеть нашу страну своей покровительницей.

Нам не нужно бояться обозначить уровень нашей глобальной ответственности за мир и за баланс сил между разными

цивилизациями. Не нужно бояться об этом прямо сказать, в том числе – нашим американским коллегам.

Как вы советовали бы выстраивать отношения с людьми такого типа, как Трамп?

В обозначении наших интересов нужны честность и открытость – как ни странно, именно для того, чтобы избежать конфликта. В религиозной системе ценностей, которой принадлежит Трамп, не предполагается сокрытия намерений. Она предполагает утрированную честность и прямоту, недопустимость обмана – ни с собственной стороны, ни со стороны партнера, если вы с ним выстраиваете отношения.

Нужно с самого начала обозначать наши максимальные позиции в том споре, который идет между Штатами и Россией уже много десятилетий. У нас сейчас привыкли действовать в логике работника спецслужб, но она не будет принята той линией поведения, которая утверждается в Америке в качестве главенствующей с приходом Трампа.

В этом смысле приверженцам политики интриг и умолчаний была более выгодна Клинтон и люди, которые связаны с ней. Если мы будем пытаться Трампа надуть, конфликт будет страшен.

Существуют ли ситуации, в которых церковная дипломатия может дополнять государство как внешний агент?

Я не думаю, что Церковь должна «утилизироваться» как инструмент государственной дипломатии. К тому же наша Церковь многонациональная. В общинах Русской Православной Церкви сегодня находятся и сторонники Майдана, и люди, которые ходят на демонстрации против российского влияния в Крыму, и молдаване, и гагаузы... Поэтому представить себе, например, наш приход в Италии как исключительно русский культурный центр достаточно сложно. Но, бесспорно, приходы и православная миссия должны быть инструментами общения с разными народами.

Как вы оцениваете возможность принятия в православные приходы

культурно далеких от нас людей, например, китайцев?

Улыбаюсь – и вот почему. Я только что зашел в китайскую закусочную, съел там постные пельмени с грибами и русский салат. А при этом еще работал на компьютере китайского производства, слушая китайскую музыку. Лет 30 назад никто бы не поверил, что в Москве будет употребляться столько всего китайского.

Я не специалист, но специалисты говорили мне, что Китай – мир с логикой, которую нам очень сложно полностью постичь. Неожиданное принятие христианства 70 миллионами китайцев (правда, для Китая это не великая цифра) связано не с рациональным осмыслением христианского вероучения, а с эмоциональными моментами богослужения, в частности – католического и пятидесятнического.

Немного больше я знаю Корею. Корейцы-протестанты мне говорили: «Вот если бы вы, православные, пришли в Корею с вашими песнопениями и обрядностью, вся Корея была бы вашей». Ведь американские проповедники-протестанты в середине XX века пришли туда только с текстами, и всё.

Может быть, у нас есть путь к китайской душе не через слово, а через невербальные способы передачи послания – те самые, о которых мы с вами говорили. Но даже если Православие в Китае будет массовым, оно будет более китайским, чем русским.

Миграция на нашу территорию будет усиливаться?

Приходится понимать, что белая раса сдает свое доминирующее положение в Европе. Возможно, это произойдет и в России, может быть, немножко позже, чем во Франции или Германии, но, скорее всего, это неизбежный сценарий.

Что нам в связи с этим делать – не отчаиваться. Вспомнить о том, что наше послание достигало умов и сердец представителей самых разных народов. Нужно попытаться выбрать наилучший сценарий среди нескольких вариантов влияния на миграционные

потоки. Лучше бы здесь появились люди, которые не собираются выбросить на помойку наше будущее и наш глобальный проект.